

Научная статья

УДК 821.161.1-1/3 Ахматова + 808.1 + 801.82

DOI 10.15826/izv1.2024.30.4.062

ЗАФИКСИРОВАНО, НО НЕ ЗАПИСАНО: О ТВОРЧЕСКИХ ПЛАНАХ АННЫ АХМАТОВОЙ

Анна Манасовна Меньщикова

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
menanman@inbox.ru,
<http://orcid.org/0000-0002-2084-9912>*

А н н о т а ц и я. В статье проанализированы варианты планов финальной поэтической книги, а также итоговой книги прозы Анны Ахматовой, которые так и не были воплощены в форме художественного целого. Помимо внелитературных причин появления множества планов — материал, характеризующий подлинную творческую эволюцию поэта не мог быть напечатан при жизни Ахматовой, — в статье рассмотрены причины, связанные со свойством художественного сознания Ахматовой. Характер изменения планов итоговых книг позволяет говорить о его схожести с элементами поэтики незавершенного. Вариативность названий, структуры, сюжета сближает планы с творческой историей «Поэмы без Героя», позволяя предположить, что рассмотренный материал выходит за пределы пространства черновиков и творческой лаборатории поэта.

К л ю ч е в ы е с л о в а: А. Ахматова; поэтика незавершенного; вариативность; план поэтической книги; проза Ахматовой; «Седьмая книга»; «Другая книга»; «Моя книга»; «Мои полвека»

**RECORDED, BUT NOT WRITTEN:
ABOUT THE CREATIVE PLANS OF ANNA AKHMATOVA**

Anna M. Menschikova

*Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,
menanman@inbox.ru,
<http://orcid.org/0000-0002-2084-9912>*

A b s t r a c t. The article analyses Anna Akhmatova's final versions of poetical and prosaic books, that were never embodied in the form of artistic whole. One of the reasons for this phenomenon was the problem in Soviet political sphere. Genuine Akmatova's verses weren't published during her life, so the poet was recording it in plans. Another reason of emergence of plans variety is connected with Akmatova's artistic consciousness. A nature of plans' variation suggests elements of the poetics of incompleteness. There are changed names, structures and plots of final books that resemble text elements in *The Poem Without a Hero*. This allows us to assume that these plans existed not only in the field of draft and Akhmatova's creative laboratory.

Key words: A. Akhmatova; poetics of incompleteness; variety; plan of verses book; prose by A. Akhmatova; *The Seventh Book*; *Another Book*; *My Book*; *My Half-Century*

Конец 1950-х — начало 1960-х гг. ознаменовались для Анны Ахматовой очередным витком признания ее творчества: в 1958 г. после долгих лет публикационного забвения выходит книга «Стихотворения» (ред. А. Сурков)¹, в 1961 г. — сборник «Стихотворения» (автор послесловия — А. Сурков), в 1965 г. — сборник «Бег времени» (ред. М. И. Дикман), а также — за рубежом — первый том Сочинений (ред., вступительная статья Г. П. Струве, Б. А. Филиппов). Отдельные стихотворения публикуются в «Новом мире», «Знамени», «Октябре», «Юности», «Огоньке», «Литературной газете», газете «Литература и жизнь» и пр. Поэта приглашают на радио, записывают чтение стихов для Ленинградского телевидения [Черных, 2016, с. 812]. Ахматова дает интервью, заседает в президиуме Второго Всероссийского съезда писателей, на котором С. С. Наровчатов провозгласил торжество «женской поэзии» в СССР в связи с полученной поэтом в 1964 г. международной премией «Этна-Таормина», утвердив в своей речи классическое направление поэзии Ахматовой: «Родина Данте и Петрарки в ее лице отдает дань восхищения стране Пушкина и Лермонтова, чьи традиции, кстати говоря, продолжает классический стих Ахматовой» [Там же, с. 816].

Несмотря на официальное признание, наиболее значимые творческие замыслы поэта по большей части остаются неопубликованными, выходящие публикации содержат серьезные купюры и ошибки. Вспоминая о встрече с поэтом 7 января

¹ См. запись Ахматовой о вышедшей в 1958 г. книге тиражом 25 тыс. экз. в «Записных книжках...»: «По словам продавцов, она была распродана за несколько минут <...> в книге всего 85 стихотворений и переводы» [Записные книжки Анны Ахматовой, с. 29].

1958 г., Л. К. Чуковская пишет: «Огласила новую страницу воспоминаний — на этот раз о судьбе каждой своей книги (ненапечатанной). Сказано кем-то: “каждая книга имеет свою судьбу”. Но судьба (история) ахматовских книг в высшей степени однообразна: по существу это все одна и та же постоянно повторяющаяся скверная история» [Чуковская, т. 2, с. 293]. В марте 1958 г. появляется запись о реакции поэта на вышедший сборник «Стихотворения»: «Анна Андреевна хоть и рада своему сборнику, но и огорчена им: она уверяет, что книжка эта — ерунда, мусор, что она только введет в заблуждение читателей (“так это-то и есть хваленая Ахматова? Стоило огород городить!”)...» [Там же, с. 309]. Одним из самых показательных моментов кажется надпись на экземпляре сборника для Л. К. Чуковской: «Лидии Корнеевне Чуковской, чтобы она вспомнила все, чего нет в этой книге. Ахматова. 19 декабря 1958, Москва» [Там же, с. 361]. В мартовской записи 1960 г. Чуковская документирует требования редактора к Ахматовой об изменении строк: «Книга мне опостылела. Орлов требует, например, чтобы в стихотворении “Я научилась просто, мудро жить, / Смотреть на небо и молиться Богу” — я заменила чем-нибудь Бога. Чем прикажете? “Служить единорогу”?» [Там же, с. 392].

Об этом же, но уже в связи с историей подготовки сборника «Стихотворений» 1961 г., пишет и Н. Г. Гончарова: «После непрерывных выемок из рукописи стихов, их замен и вставок получился вполне “приличный” советский вариант Ахматовой» [Гончарова, с. 130].

В январе 1966 г. Чуковская в своих «Записках...» передает реакцию поэта на выход первого тома Сочинений за рубежом: «...Составлена книга тоже плохо. Не говорю уж о перепутанных датах... Поэма “Путем вся земля” разбросана кусками по всей книге. <...> Не скрою от вас: пишу на отдельном листе замечания под фамильярным заглавием “для Лиды”» [Чуковская, т. 3, с. 328]. К этому же времени относится запись Ахматовой, которая отражает стремление разоблачить суждения Г. Струве о ее творческом пути: «Даже упоминание моего имени (без ругани) было запрещено. Оно выброшено из всех перечислений — оно просто не существует. <...> Затем, как может не прийти в голову Струве, что в то (подчеркивание Ахматовой. — А. М.) время я писала нечто, что не только печатать было нельзя, но даже читать так называемым “друзьям”. (Таков был “Реквием”.)» [Записные книжки Анны Ахматовой, с. 697–698]. К этой записи поэт добавляет список стихотворений, ключевых для понимания ее творчества, вероятно, для последующего сохранения Л. Чуковской: «Не столицей европейской», «Морозова»², «Черепки», «Подражание армянскому», «Стеклянный звонок», «Стансы», «Подвал памяти», «Русский Трианон» (Царскосельская поэма).

Красноречива в своей скрупулезности запись 1965 г. под заголовком «Ненапечатанные стихи в “Беге времени”» и списком из 55 стихотворений со сквозной нумерацией, 20 из которых не были опубликованы вовсе, а напротив каждого из остальных 35, с подзаголовком «Было в журналах, альманахах, газетах (1 раз)» — выходные данные с названием и номерами журналов, в которых

² По всей видимости, имеется в виду стихотворение «Я знаю, с места не сдвинуться...» (1937).

были рассыпаны тексты, относящиеся к единому смысловому целому [Записные книжки Анны Ахматовой, с. 656–657]. Среди неопубликованных стихов — «И снова осень валит (Б. Пастернаку)», «М. М. Зощенко (“Слово дальнему...”», «III Зачатьевский», «Эти рысьи глаза твои...» [Там же, с. 677].

В составлении замечаний и списков «для Лиды», заклеивании навязанных редактором стихов проявляется стремление Ахматовой исправить тот образ своего творчества, который был продиктован эпохой. О его ложности и недостаточности пишет Л. К. Чуковская, говоря о сборнике 1958 г.: «Опрятный тоненький томик в красном переплете с золотом. Есть “Невстреча”, есть “Предыстория”, кусок из “Поэмы” и несколько прекрасных старых. <...> Но, конечно, представления об истинном пути и о величине поэта книга не дает» [Чуковская, т. 2, с. 353]. Н. Г. Гончарова также пишет о сборнике «Стихотворений»: «Сразу же после появления “Манифеста”³ Ахматова начала составлять список добавлений в текст книги; вклеивала свои *настоящие* (курсив Н. Г. Гончаровой. — А. М.) стихи поверх “Слава миру!” в те экземпляры, которые дарила друзьям, делала горькие дарственные надписи — “Хоть такую”, “...Не без смущения — эти обломки”, “Остались от козлика рожки да ножки...”» [Гончарова, с. 128]. Однако глобально стремление сохранить правильные, подлинные варианты лирических циклов, отдельных строк и строф отразилось в «Записных книжках Анны Ахматовой» — «ядерной», одной из наиболее сложных форм затекста⁴ творчества поэта, существенное место в которых отведено замыслам, которые так и не были воплощены в виде целостного художественного единства.

На многих десятках страниц поэт записывает планы отдельных изданий, поэтических книг и циклов. Н. Г. Гончарова называет это явление «принципом “говорящей книги”»: «Ахматова не однажды пыталась передать нечто через композицию своей книги стихов, и многие ее так и не реализованные книги 1940–1960-х гг. имели говорящую, значимую структуру» [Там же, с. 124]. Исследователь подчеркивает внелитературную причину появления записей такого характера: «...множество планов так и не изданных книг, в которых годами не печатаемый поэт пытается хотя бы частично восстановить свое истинное творческое лицо» [Там же, с. 127–128]. Реакция Ахматовой и ее тщательная работа со списками неопубликованных стихов говорят о наличии серьезного несоответствия между тем, что удавалось опубликовать, и тем, что Ахматова стремилась воссоздать и зафиксировать в качестве варианта своей *подлинной* поэтической эволюции. Планы, многократно зафиксированные в «Записных книжках...», комментарии и дарственные надписи, нарочито подчеркивающие осколочность вышедшего из печати, призваны были задокументировать подлинность ненапечатанного и недостаточность опубликованного.

³ Сборник 1958 г. Ахматова не без иронии называла «манифестом» за обложку красного цвета, сборник 1961 г. в зеленой обложке получил неофициальное авторское название «лягушка».

⁴ О концепции затекста как особого литературного и культурного явления см.: Феномен затекста: монография / Т. А. Снигирева [и др.]; под общ. ред. Т. А. Снигиревой, А. В. Подчинова. Екатеринбург; С.-Петербург, 2023.

Вместе с тем изобилие планов — в «Записных книжках...» зафиксировано 15 вариантов финальной книги стихов, — их пересечения, проницаемость границ поэтических циклов указывают на то, что причины появления множества записей не исчерпываются внелитературными факторами. Обращение к планам позволяет увидеть, что такая форма записи по своей природе относится не только к творческой лаборатории автора: разрастаясь со временем, план перенимает поэтику состоявшихся произведений позднего творчества Ахматовой — поэтику незавершенного⁵.

Одним из наиболее знаковых элементов поэтики незавершенного является вариативность, которая проявляется на уровне названия, структуры, смысловых доминант и намеченного сюжета творческой эволюции поэта. Число стихотворений также вариативно: в ряде случаев планы содержат не более 20–25, в других — более 60 названий. Характер варьирования связан также с хронологическими границами, то сужающимися до идейно-смысловых акцентов творчества поэта в 1930–1940-е гг., то расширяющимися до 1910–1960-х гг. В композиции каждой из «запланированных» книг установлен свой фокус, определяющий степень разнообразия и интенсивность звучания включаемых тем. При этом начало и финал планов не задают хронологические рамки, а фактически становятся отправной и завершающей точкой каждого из вариантов сюжета.

Несмотря на столь сильное варьирование, сравнение вариантов позволяет судить о наличии «ядерной» части, как правило, остающейся в каждом плане. Преимущественно это тексты из списков «для Лиды»: неопубликованные в «Беге времени» и стихотворения, которыми поэт сопровождает резкую критику зарубежного издания 1965 г. Именно они, многократно зафиксированные поэтом как подлинные, ключевые для понимания ее поэзии, от варианта к варианту служат каркасом структуры книги.

За каждым из планов под названием «Другая книга», «Седьмая книга», «Моя книга», «После книги» стоит несколько одноименных вариантов, и несмотря на то, что ни в одном из них нет совпадающего с другим начала и финала, наличие «ядерных» смыслоопределяющих единиц позволяет считать все планы вариантами, относящимися к одному замыслу. Наиболее частотны стихотворения из циклов «Венок мертвым», «Тайны ремесла», «Нечет», «Трещотка прокаженного», «Ташкентские страницы», «Античная страничка», стихи из поэмы «Реквием», поэма «Путем вся земля», «Песенки», стихотворения из «Русского Трианона», «Один идет прямым путем...». Идейно-смысловой центр глобального замысла книги — судьба творца в ситуации невозможности воплощения его предназначения («Из-под каких развалин говорю, / Из-под какого я кричу обвала...» [Ахматова, 1998, т. 1, с. 457]⁶, лагерная тема («Реквием»), пророческий дар творца, как пра-

⁵ О концепции незавершенного, его отличии от неоконченного см.: Феномен незавершенного: монография / [Т. А. Снигирева и др.]; под общ. ред. Т. А. Снигиревой, А. В. Подчиной. Екатеринбург, 2019. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/66587> (дата обращения: 01.08.2024).

⁶ Далее при ссылке на Собрание сочинений А. Ахматовой в 6 томах в круглых скобках указывается том, книга и страница.

вило, связанный с предвидением беды: «*А я иду — за мной беда...*» (т. 1, с. 490); «*...Трещотка прокаженного / В моей руке поет. / <...> Я научу шарахаться / Всех смелых от меня*» (т. 2, кн. 1, с. 176). Кроме того, в каждом из вариантов звучат темы судьбы трагического поколения поэта, памяти — темы, определяющие природу поэм, над которыми Ахматова работала в этот же период: поздние редакции «Поэмы без Героя», «Путем всея земли», завершение «Реквиема»: «*Не часто я у памяти в гостях, / Да и она всегда меня морочит*» (т. 1, с. 460); «*Ленинградскую беду / Руками не разведу, / Слезами не смою, / В землю не зарюю <...> / Я земным поклоном / В поле зеленом / Помяну*» (т. 2, кн. 1, с. 84).

Постоянные стихотворения в каждом из планов оказываются в новом контексте, оттеняющем или усиливающим «ядерное» звучание. Так, лирический сюжет одного из ранних планов под названием «Другая книга» (конец 1959 — начало 1960 г.) имеет закольцованный характер. Открываясь стихотворением «Немного географии» (1937), план продолжается текстами 1930–1940-х гг. из циклов «Трещотка прокаженного», «Песенки», «Венок мертвым». Единственным хронологическим «отступлением» становится «Новогодняя баллада» (1923), традиционно интерпретируемая как предвестник «Поэмы без Героя». Лирический сюжет и в особенности последние строки «Подвала памяти» — «*И кот мяукнул. Ну, идем домой! // Но где мой дом и где рассудок мой?*» (т. 1, с. 460) — предваряют поэму «Путем всея земли» (1940), дающую ответ: «*Расталкивая года, / <...> Я проберусь туда... / <...> Меня, китежанку, / Позвали домой*» (т. 3, с. 31). Завершает «Другую книгу» поэма «Реквием» (1935–1940). Таким образом, тема трагической судьбы художника с посвящением О. Мандельштаму в первых строках книги — «*Не столицей европейской / <...> Показался мне город этот / <...> Он, воспетый первым поэтом, / Нами грешными — и тобой*» (т. 1, с. 437) — многократно усиливается и распространяется поэтом на образ судьбы целого поколения: «*Подымались как к обеду ранней. / По столице одичалой шли, / Там встречались, мертвых бездыханней, / Солнце ниже и Нева туманней...*» (т. 3, с. 22).

План «Седьмой книги» (1960) — наиболее обширный, охватывающий стихотворения как раннего, так и позднего периода творчества поэта, начинается с любовной лирики: «*И когда друг друга проклинали / В страсти, раскаленной добела, / Оба мы еще не понимали, / Как земля для двух людей мала...*» (т. 1, с. 18). Включение более поздних стихотворений позволяет Ахматовой обозначить трансформацию любовной лирики. Тема трагической любви, сулящей гибель одному из возлюбленных, актуализируется стихотворениями: «*Я пью за разоренный дом, / За злую жизнь мою, / За одиночество вдвоем...*» (т. 1, с. 422); «*Огонь в тебе, юноша, дивный горит, / И я за такое лекарство / Отдам тебе дочку и царство...*» (т. 2, кн. 2, с. 42–43). Тему трагической любви усиливает также цикл «Шиповник цветет» без указания конкретных текстов.

План под названием «Моя книга» (конец 1960 — начало 1961 г.), в противоположность «Другой книге» (1959–1960), начинается с поэмы «Реквием» (1935–1940), продолжается стихотворениями «Немного географии» (1937), «Я знаю, с места не сдвинуться...» (1937) и стихотворениями из циклов «Трещотка

прокаженного», «Венок мертвым», «Песенки». Отчетливо звучащие постоянные темы оттеняются контекстом заклинательных, подчас саркастичных формул и фольклорных мотивов: «Из тюремных ворот, / Из заохтенских болот / Путем нехоженым, / Лугом некошеным, / Сквозь ночной кордон, / Под пасхальный звон, / Незванный, / Несуженый, — / Приди ко мне ужинать» (т. 1, с. 430); «За такую скомо-рошину, / Откровенно говоря, / Мне свинцовую горошину / Ждать бы от секретаря» (т. 1, с. 439); «И клялись они Серпом и Молотом / Пред твоим страдальческим концом: / «За предательство мы платим золотом, / А за песни платим мы свинцом»» [Ахматова, 1990, т. 1, с. 240].

Как и в «Другой книге», стихотворение «Подвал памяти» занимает пред-последнюю строку плана, символизируя взгляд поэта в прошлое, где «Темно и тихо <...> / Уж тридцать лет, как проводили дам, / От старости скончался тот проказник...» (т. 1, с. 460), однако в финал плана Ахматова помещает стихотворение «Учитель»: «А тот, кого учителем считаю, / <...> Кто был пред-вестьем, предзнаменованьем / Всего, что с нами после совершилось...» (т. 2, кн. 1, с. 98), принципиально меняющее поворот сюжета. Вкупе со второй «Северной элегией» — «О десятых годах»: «И знала я, что заплачу сторицей / В тюрьме, в могиле, в сумасшедшем доме, / Везде, где просыпаться надлежит / Таким, как я, — но длилась пытка счастьем» (т. 2, кн. 1, с. 173), и стихотворением «Наследница», которому предпослан эпитафия из пушкинского текста «От Царскосельских лип...»: «Казалось мне, что песня спета / Среди этих опустелых зал. / О, кто бы мне тогда сказал, / Что я наследую все это...» (т. 2, кн. 2, с. 21), сюжет книги приобретает обширные временные границы, затрагивающие «начала и концы», поэтические истоки и культурно-исторические связи, тянущиеся за пределы биографии автора.

Примечательно, что в план «Моей книги» Ахматова вписывает эпитафия: «Уже красуется на полке...» — строку из стихотворения «Сожженная тетрадь», открывающего цикл «Шиповник цветет», что с безусловностью указывает на связь плана с замыслом «Седьмой книги», где впервые появляется указание на включение цикла в книгу.

План «После книги» (1963) усиливает темы, обозначенные Ахматовой в «Другой книге», «Седьмой книге» и «Моей книге», именно в этом варианте начинает отчетливо звучать сюжет «Бега времени», практически отсутствующий в предыдущих вариантах: «Но кто нас защитит от ужаса, который / Был бегом времени когда-то наречен?» (т. 2, кн. 2, с. 108); «Опять подошли “незабвенные даты”, / И нет среди них ни одной не проклятой» (т. 2, кн. 2, с. 87–88); тема судьбы поколений, трагедии творца и драма расставания влюбленных приобретает иной, эпохальный оттенок. Завершая план стихотворением «Когда погребают эпоху» (1940), Ахматова утверждает конец времен, свидетелем которого становятся все адресаты «Венка мертвым» — современники поэта: «Чудится мне на воздушных путях / Двух голосов переключка» (т. 2, кн. 2, с. 119). В качестве эпитафия к плану «После книги» взята строка из раннего варианта стихотворения Б. Пастернака

«Гамлет»⁷. Строка «*Я играю в них, во всех пяти...*» резонирует с планом «Седьмой книги», именно в нем впервые появляется стихотворение «Пятым действием драмы...»: «*Тайная справлена тризна / И больше нечего делать. <...> / Так тяжелую лодку долго / У пристани слабой рукою / Удерживать можно, прощаясь / С тем, кто остался на суше*» (т. 1, с. 371).

Вариативность названий поэтической книги, когда под одним заглавием представлены разные лирические сюжеты, также отправляет к закономерностям поэтики незавершенного. Среди названий книги стихов частотно определение «Другая». Думается, что самое очевидное объяснение названия «Другая книга» / «Другой цикл» заключается в авторской антитезе тому, что было издано в последние годы жизни Ахматовой: это образ неизвестного читателям, подлинного поэта, от которого волей редактора остаются «рожки да ножки» и «советский» вариант его творчества. Вместе с тем наиболее известная «Другая» в контексте творчества Ахматовой — поэма, вторым шагом следующая за «Поэмой без Героя», работа над редакциями которой продолжалась в годы, которыми датированы планы. Известная цитата из «Прозы о Поэме» вполне применима и к замыслу итоговой книги стихов: «“Другая” — траурная — обломки ее в “Триптихе”» [«Я не такой тебя когда-то знала...», с. 1121]. В приведенном фрагменте важно указание на осколочность, изначальную неполноту — «обломки» — и заведомо осознаваемая поэтом невозможность воплощения завершенного целого — «огромной траурной, мрачной, как туча, симфонии о судьбе поколения и лучших его представителей...» [Там же, с. 1143].

Эпитет «Другая» не единожды появляется в названиях *запланированных*, но не воплощенных замыслов поэта и/или в рефлексии о них. Учитывая интенсивность варьирования содержания плана «Другой книги», действительно, можно говорить об идее невыразимого и в связи с ней. Это позволяет предполагать, что «Другая книга» может быть не просто аналогией «Другой поэмы», а еще одной формой выражения глобального замысла, связанного с природой позднего периода творчества поэта.

Вариант названия «Седьмая книга» также в первую очередь связан со «скверными историями» публикации ахматовских сборников. Седьмой сборник стихов «Нечет» был принят в 1946 г. и возвращен автору «за истечением срока архивного хранения» [Записные книжки Анны Ахматовой, с. 29] в 1952 г.; вышедшая в 1940 г. тиражом 10 тыс. экз. книга стихов «Из шести книг» (ред. Ю. Тынянов) «через 6 недель была изъята из продажи и из библиотек, запрещена в букинистической

⁷ Вот я весь. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске
То, что будет на моем веку.
Это шум вдали идущих действий.
Я играю в них во всех пяти.
Я один. Все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти [Пастернак, с. 714].

продаже» [Записные книжки Анны Ахматовой, с. 29]. Однако, как и в случае с «Другой», «Седьмая» связана с «Поэмой без Героя»: *«И со мною моя “Седьмая”, / Полумертвая и немая, / Рот ее сведен и открыт, / Словно рот трагической маски, / Но он черной замазан краской / И сухой землей набит»* [«Я не такой тебя когда-то знала...», с. 890]. Безусловно, это не противоречит очевидным связям строк «Решки» с текстом «Из седьмой Северной элегии», напрямую отсылающей к теме трагического молчания, а, скорее, дополняет возможности интерпретации: *«А я молчу, я тридцать лет молчу. / Молчание арктическими льдами / Стоит вокруг бессчетными ночами, / Оно идет гасить мою свечу...»* [Ахматова, 1990, т. 1, с. 265].

Связь «Седьмой книги» с «Поэмой без Героя» эксплицирована на уровне планов. В одном из вариантов Ахматова включает поэму в план книги, в другом случае видно, что именно в плане «Седьмой книги» появляется «Мартовская элегия», созвучная образу из поэмы: *«Кто же бродит опять у крыльца / И по имени нас окликает? / Кто приник к ледяному стеклу / И рукою, как веткою, машет?.. / А в ответ в паутином углу / Зайчик солнечный в зеркале пляшет»* (т. 2, кн. 2, с. 71). Лирический сюжет соотносим со сценой, предвещающей самоубийство влюбленного драгуна в главе четвертой части первой «Поэмы без Героя»: *«Кто застыл у померкших окон, / На чьем сердце “палевый локон” / <...> Он за полночь под окнами бродит, / На него беспощадно наводит / тусклый луч угловой фонарь <...> / И дождался он: Стройная маска / На обратном “пути из Дамаска” / Возвратилась домой... не одна!»* [«Я не такой тебя когда-то знала...», с. 495]. Не менее очевидна связь с «Поэмой без Героя» в решении поэта включить в план «Седьмой книги» цикл под названием «Тени»: красавица, плясунья, портрет автора — неотъемлемые образы поэмы. Интенсивное звучание темы трагической любви и гибели одного из возлюбленных, актуализированная именно в «Седьмой книге», также говорит о близости творческих замыслов финальной книги стихов и незавершенной «Поэмы без Героя».

На уровне структуры планов и названий, в разных вариантах которых фигурируют «Реквием», «Бег времени», «Поэма без Героя», «Путем вся земли», планы книги соответствуют общей тенденции, характерной для творчества Ахматовой в 1940–1960-е гг.: зыбкость границ художественных единств, их способность к варьированию и включению текстов из других произведений говорит о единстве глобального творческого замысла, определяющего весь поздний период творчества поэта.

Параллельно с замыслами финальной поэтической книги идет интенсивная работа Ахматовой над книгой прозы, в которую должны были войти автобиографические тексты и мемуары, литературные портреты и «пушкинские штудии». Часть ранних рукописей прозы, переживших годы бесприютности, эвакуации и переездов поэта, была сожжена самой Ахматовой. И. Пунина вспоминает: «Среди других рукописей она тогда сожгла написанное в прозе свое впечатление о послевоенном Ленинграде — “Моя с ним встреча”» [Пунина, с. 470].

Уничтожение рукописей частично компенсируется упоминаниями в «Записных книжках...»: «После постановления 1946 занималась темами “Пушкин

и Достоевский” и “Гибель Пушкина”. Тема первая огромна. Материала бездна. <...> Ирина Николаевна Томашевская всегда говорит, что это лучшее из всего, что я сделала. Сожгла со всем архивом, когда Леву взяли 6 ноября 1949» [Записные книжки Анны Ахматовой, с. 666], в «Листках из дневника»: «Биографию я принималась писать несколько раз, но, как говорится, с переменным успехом. Последний раз это было в 1946. <...> Она, насколько помню, была не очень подробной, но там были мои впечатления 1944 — “Послеблокадный Ленинград”, “Три сирени” — О Царском Селе и описание поездки в конце июля в Териоки — на фронт, чтобы читать стихи бойцам. А также “Царь-Гриб” (Гунгербург, 1895), “Мишка — будка, морда — окошко” (Киев, 1893). Их мне теперь трудно восстановить. Остальное же настолько окаменело в памяти, что исчезнет только со мною вместе» (т. 5, с. 161).

Ахматова планировала восстановить некоторые из текстов, в частности, все, что было связано с блокадным и послевоенным Ленинградом, однако многие, написанные до 1950-х гг., были безвозвратно утрачены, другие — восстановлены (или должны были быть восстановлены) фрагментарно, но с неизбежной поправкой на момент записи. Обозначая глобальный замысел ахматовской прозы, В. А. Черных пишет: «...все эти прозаические тексты <...> являются, по сути дела, черновиками, разрозненными фрагментами так и не написанной Ахматовой книги о себе и людях своего поколения...» [Черных, 1992].

Идея создания книги прозы, как и финальной поэтической книги, не была реализована в виде художественного целого, однако в «Записных книжках...» также сохранились варианты планов книг, название и содержание которых вариативно⁸.

Границы каждого из разделов вариативны: меняется число персоналий, авторов — героев исследования, обобщаются или прописываются более подробно вехи судьбы. Если в более ранних планах автобиографическим записям отведено несколько строк, то со временем хронологические границы существенно расширяются: с детством и юностью поэта оказываются связанными десятки пунктов плана. Как и в случае с книгой стихов, планы финальной книги прозы содержат «ядерные» тексты, которые сохраняются в планах от варианта к варианту: тексты о современниках («портреты»), соотносимые с адресатами лирического цикла «Венок мертвым»; литературоведческие статьи («штудии»), первоначально обращенные лишь к А. С. Пушкину, однако в планах были — и о Ф. М. Достоевском, Н. В. Гоголе, У. Шекспире; автобиографическая проза, в ранних вариантах затрагивающая лишь основные вехи (замужество, рождение сына, гражданские казни, эвакуация в Ташкент), впоследствии разрастающаяся, уточняющая: «дворцы», в которых жила Ахматова, исключительные события, свидетелем которых стала (например, взрыв линкора «Императрица Мария» вблизи Севастополя в 1916 г.).

Изменение замысла (при остающемся неизменном числе написанных прозаических фрагментов) отразилось в варьировании названия книги, которое изменяется со временем по принципу восходящей градации: от «Листков из дневника»,

⁸ Подробнее о книге прозы см.: *Меньщикова А. М.* Затекст как система (случай Анны Ахматовой) // Феномен затекста. С. 262–289.

названия, отправляющего к фрагментарности, — к «Пестрым заметкам», также не претендующим на целостность, и к итоговому, наиболее глобальному названию — «Мои полвека».

Запланированное содержание обеих финальных книг определено сюжетом судьбы Ахматовой, в одном случае — преломленным в поэтическом слове, во втором — в оптике вспоминаящего, неизменно исправляющего вехи биографии с поправкой на момент написания. Обращение к «говорящим» структурам книги прозы и итоговой книги стихов позволяет заметить, что наиболее интенсивно от плана к плану прорывается тема судьбы поколения и поминовения, тема свершившейся катастрофы, ее жертв и виновников. Закономерна запись от 6 февраля 1966 г. — меньше чем за месяц до смерти Анна Ахматова пишет: «Кажется, написала все о Лозинском. Пойдет в книгу портретов (Модильяни, Мандельштам и др.). Хорошо бы сделать две части: стихи и прозу...» [Записные книжки Анны Ахматовой, с. 708].

Идея объединения творческих замыслов, связанных с итоговыми книгами поэзии и прозы, важна, поскольку она демонстрирует соотносимость и взаимопроницаемость их сюжетов. Интенция Ахматовой к объединению образов судьбы, проступающих в планах финальных книг, подтверждается наблюдениями Н. Г. Гончаровой: один из планов поэтических книг, к которому обращается исследователь, называется «Из семи книг (Полвека)». Это название прямо соотносится с планами прозаической книги «Мои полвека».

Вариативность сюжетов финальных книг Ахматовой, которые были призваны зафиксировать «истинный путь и величину поэта», множественность планов, в каждом из которых актуализировались разные темы и ценностные доминанты, определяющие поэтический мир Ахматовой, соотносимы с творческой историей и характером варьирования в редакциях «Поэмы без Героя». Т. В. Цивьян, исследовавшая многовариантность «Поэмы», характеризует ее движение от редакции — к редакции: «“Поэма“, оставаясь в собственных пределах, допускает свободное варьирование. <...> Это... иной вид движения — не поступательное, предполагающее начало и конец <...> а скорее вращательное — по “оси, на которой вращается вся вещь, как волшебная карусель”. <...> Ахматова... выбрала как раз вращательное движение, которое и образует ту воронку, куда втягивается весь зеркально отраженный мир» [Цивьян, с. 127]. Планы книг также демонстрируют «вращательное» движение, где «осью» выступают «ядерные» тексты, повторяющиеся в каждом из вариантов, а пределами — биографическая и творческая судьба поэта. Подобно вариантам поэмы, замысел книг разрастался: расширялись хронологические границы и историко-культурные связи, увеличивалось количество стихотворений, планы снабжались эпиграфами как самоценные художественные тексты.

Сближение замыслов финальной книги стихов и книги прозы на уровне структуры и персоналий определено общностью предполагаемых сюжетов: с одной стороны, образа подлинного творческого пути, с другой — образа судьбы, которые, как и «Поэма без Героя» — художественное воплощение биографии поэта, не могли быть завершены до момента смерти творца. Это дает основание

интерпретировать планы итоговых книг как форму воплощения глобального замысла, определяющего весь поздний период творчества поэта. План становится аналогом, заменой ненаписанному тексту, не столько формой, принадлежащей полю нереализованных замыслов, сколько образом мысли, способом воплощения и знаком незавершенного.

Ахматова А. Собрание сочинений : в 6 т. М., 1998–2005. Т. 1 : Стихотворения, 1904–1941. 1998 ; Т. 2 : в 2 кн. Кн. 1 : Стихотворения, 1941–1959 ; Кн. 2 : Стихотворения, 1959–1966. 1999 ; Т. 3 : Поэмы. Pro domo mea. Театр. 1998 ; Т. 5 : Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. 2000, 2001.

Ахматова А. Сочинения : в 2 т. М., 1990. Т. 1.

Гончарова Н. Г. Проза Анны Ахматовой: путь к мистерии. М., 2023.

Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / сост., подгот. текста К. Н. Суворова. Москва ; Torino, 1996.

Пастернак Б. Л. Собрание сочинений : в 5 т. М., 1990. Т. 3.

Пунина И. Сорок шестой год... // Воспоминания об Анне Ахматовой : сб. М., 1991. С. 465–472.

Цивьян Т. В. «Поэма без Героя»: еще раз о многовариантности // Ахматовский сборник. Париж, 1989. С. 123–130.

Черных В. А. Рукописное наследие Анны Ахматовой и проблемы его публикации // Ахматовские чтения. М., 1992. Вып. 1. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/chernyh-rukopisnoe-nasledie-ahmatovoj.htm> (дата обращения: 01.08.2024).

Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой, 1889–1966. М., 2016.

Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой : в 3 т. М., 2007. Т. 2 : 1952–1962 ; Т. 3 : 1963–1966.

«Я не такой тебя когда-то знала» : Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто : материалы к творческой истории / под ред. Н. И. Крайневой, О. Д. Филатовой. СПб., 2009.

Статья поступила в редакцию 05.08.2024 г.